

О ГУМАНИЗАЦИИ НАУКИ И НАТУРАЛИЗАЦИИ ЭКЗИСТЕНЦИИ¹

Надежда Александровна Касавина — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Социальная философия науки обращена как к естественным, так и социально-гуманитарным наукам как предмету исследования. Это созвучно с постнеклассической исследовательской парадигмой, поскольку почти с самого своего возникновения во второй половине XIX в. социально-гуманитарные науки продемонстрировали выход за пределы классики. Уже под влиянием философии жизни и философской герменевтики происходили актуализация экзистенциальной проблематики и постановка вопроса о пересмотре центрального понятия классической теории познания — понятия опыта. Отныне не только объектно-ориентированная чувственность, но и субъективность переживания, включенность в традицию с ее культурными универсалиями вошли в структуру опытного знания. В статье предлагается интерпретация этих изменений не только как выражения специфики социально-гуманитарных наук, но и как черты познания вообще. Для обозначения процесса переосмысления экзистенции в социально-гуманитарном знании предлагается использовать термин «натурализация экзистенции» со ссылкой на аналогичную тенденцию в аналитической эпистемологии и философии сознания.

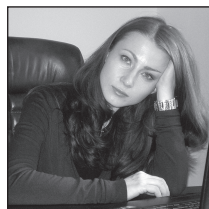
Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, экзистенциальный поворот, натурализация экзистенции, экзистенциальная лингвистика, экзистенциальная социология, гуманизация науки.

О HUMANIZATION OF SCIENCE AND NATURALIZATION OF EXISTENCE

Nadezhda Kasavina — PhD, Associate Professor, senior researcher of Institute of Philosophy of RAS.

Social philosophy of science focuses on the natural as well as on the social-humanitarian sciences as a subject matter of research. It is due to post-classic research paradigm because almost since their emergence in the second half of the XIX c. the social and human sciences have moved beyond the classics. Already under the influence of philosophy of life and philosophical hermeneutics there occurred new existential issues and the need to revisit the central concepts of the classical theory of knowledge including the concept of experience. From now on not only the object-oriented sensibility, but the subjectivity of experience, involvement in tradition with its cultural universals entered the structure of cognitive experience. In the article the author interprets these changes not only as a manifestation of specificity of the social and human sciences, but also as a trait of cognition in general. To rethink the existence in the social and humanities there proposed to use the term «naturalization of existence» with reference to a similar trend in analytic epistemology and the philosophy of mind.

Key words: social and human sciences, existential turn, naturalization of existence, existential linguistics, existential sociology, humanization of science.

¹ Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02227 «Социальная философия науки. Российская перспектива».

Социальная философия науки требует равноправного внимания к естественным и социально-гуманитарным наукам как предмету исследования. Такое внимание созвучно постнеклассической [Степин, 2003; Степин, 2009: 249–295] исследовательской парадигме, поскольку почти с самого своего возникновения во второй половине XIX в. социально-гуманитарные науки продемонстрировали выход за пределы классики. Уже под влиянием философии жизни и философской герменевтики происходила актуализация экзистенциальной проблематики и постановка вопроса о пересмотре центрального понятия классической теории познания — понятия опыта. Отныне не только объектно-ориентированная чувственность, но и субъективность переживания, включенность в традицию с ее культурными универсалиями вошли в структуру опытного знания. Лишь по прошествии столетия наступила пора понять это обстоятельство не только как выражение специфики социально-гуманитарных наук, но и как черту познания вообще.

Экзистенциальный поворот в социально-гуманитарных науках

Интеграция субъективно-экзистенциального измерения знания в пространство науки изначально демонстрировала неравномерность, и это же относилось к осмыслению данного процесса в рамках философии. В таких науках, как социология и психология, сложились целые области исследований (экзистенциальная социология и экзистенциальная психология), включившие достижения экзистенциальной философии в контекст исследования социальной реальности или развития личности. Другие науки только начинают этот процесс. В этом ряду находятся, в частности, лингвистика, экономика, теория музыки и др. На их примере можно проследить отдельные грани научного освоения экзистенциальной проблематики.

Так, лингвистический поворот первой половины XX в. положил начало нового философского понимания языка в существовании человека и конструировании культуры. Языку была отведена роль основания мышления и деятельности, «создания» мира, определения его границ и параметров. Философское осмысление языковых процессов в контексте культуры и ее экзистенциального содержания значительно расширяет диапазон лингвистических исследований по сравнению с их логико-прагматическим руслом.

Экзистенциальное содержание языка, через которое реализуется глубинное общение, рассматривается как основополагающее по отношению к предметному в современной отечественной лингвистике [Курдюмов, 1999; Куликова, 2009; Куликова, 2007].

Такое развитие представлений о функционировании языка получило мощный стимул в связи с влиянием философии жизненного мира Э. Гуссерля, немецкой экзистенциальной философии К. Ясперса с понятием коммуникации, трудов М. Хайдеггера. В этом ряду следует отметить идеи М. Бахтина, считающегося одним из основателей «экзистенциальной лингвистики» — еще не сложившейся, но намечившейся области исследований. Как отмечает В.А. Курдюмов, по ряду причин создание экзистенциальной лингвистики не было осуществлено. Западная лингвистика XX в. развивалась преимущественно как «точная», «антиметафизическая», прикладная наука. Отечественное языкознание не соприкасалось с экзистенциализмом по идеологическим причинам. В 1950–1960-е гг., когда западная философия начала получать распространение в СССР, под «экзистенциализмом», как правило, понималась философия Сартра и Камю, исследование проблем языка находилось далеко не на первом месте [Курдюмов, 1999]. Между тем в экзистенциальной лингвистике как металингвистической области исследований усматривается задача становления экзистенциальной проблематики языка — речи — дискурса, языкового сознания, языковой личности и ее самобытного бытия [Владимирова, 2012]. Язык и экзистенция (как опыт) воспринимаются как неотделимые друг от друга феномены. В качестве важнейшего компонента культуры называется *экзистенциальный язык* как фактор жизненного нарратива, а *экзистенциальная среда* (existential environment) понимается как результат взаимодействия деятельности и языка [Kačerauskas, 2007]. В некотором смысле это обращает к гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, понятой в экзистенциальном ключе, когда язык наделяется функцией проектирования экзистенциальных переживаний, движением к самосознанию и самопониманию через проговаривание собственного бытия.

Необходимость экзистенциального расширения предмета науки фиксируется и в отношении исторического знания. Эта тенденция оценивается как соответствующая современным научным задачам, связанным с «вскрытием» внерациональных, глубинных оснований исторической реальности, эпистемологическим пониманием этого расширения, совмещения его с рациональностью истории как науки [Ольхов, 2011: 120–128; Ольхов, 2012].

Обращение к экзистенциальной проблематике свойственно также гуманитарным областям, находящимся на стыке науки и искусства, теории и практики художественной деятельности. Яркий пример здесь — фигура Х. Лахенманна, внесшего вклад в развитие идей европейского музыкального авангарда в 1970–1980-е гг. Экзистенциальный аспект творчества Лахенманна считается почти неизученным как оригинальное и достаточно новое направление в теории музыки [Колико, 2002]. Выдвинутая им эстетико-философская концепция музы-

ки основана на экзистенциальном переосмыслении традиционных методов и форм композиции. В своей главной теоретической работе «Музыка как экзистенциальный опыт», посвященной композиторскому творчеству, Лахенманн рассматривает сущность музыки в ее направленности к человеческой экзистенции, к основам человеческого сознания, к глубинным слоям и переживаниям человеческой души, к осознанию человеком самого себя как мыслящего и чувствующего существа. Этот философский и нравственный смысл музыки как особой культурной ценности противопоставляется обыденному характеру ее восприятия как элемента досуговой деятельности или сопровождения тех или иных жизненных событий. «Ни в коем случае я не хотел бы создавать своей музыкой некий декор для какого бы то ни было общественного порядка или слоя общества» [Lachenmann, 1996].

Музыка рассматривается композитором как «процесс познания в самом широком смысле слова» [Lachenmann, 1996: 149], а ее смысл — как пробуждение человеческой экзистенции. Понимать музыку — значит осознавать самого себя по-новому, осознавать свое собственное предназначение. Искусство предстает средством проникновения в экзистенциальное самосознание, формирования личности в напряженной связи внутреннего и внешнего, личностного и вне- или надличностного бытия. В воспоминаниях Р. Баршая именно как практика, а не теоретика, воспроизводится это высокое отношение к музыке. «Музыка как явление — это движение души. Это душа выражает таким способом свои движения. Когда Бетховен говорил, что он беседует с небесами, он не приукрашивал... Иметь отношение к этому божеству, какое-то право прикоснуться к творениям Бетховена, Баха, Малера, Моцарта, Шуберта — это уже большое счастье» [Дорман, 2013: 346].

Рассмотренные идеи — лишь примеры широкого и давно начавшегося движения в науке и искусстве, связанного со становлением гуманистического видения человека и культуры, ее экзистенциальной природы. Понимание этого процесса затруднено по причине разрозненности отдельных фрагментов его становления и изучения. Тем не менее приведенные примеры свидетельствуют о парадигмальных изменениях философии и науки, об усилении внимания научных направлений к экзистенциальному опыту как одному из факторов познания, деятельности и общения. Подчеркнем еще раз, что это существенным образом характеризует постнеклассическую рациональность, в рамках которой философские основания науки включают ценностные и целевые установки познающего субъекта.

Движение к личности

Классические гуманитарные школы большей частью формировались путем обращения к естественно-научной парадигме, изучали че-

ловеческую психику и поведение в аспекте их внешней, биологической детерминации. Новые подходы рассматриваются как поворот к их экзистенциальному содержанию, к человеку в аспектах самодетерминации, смысложизненных ценностей его существования [Леонтьев, 2001: 3–6; Леонтьев, 2007: 3–12]. Экзистенциальное мировоззрение, по словам Д.Н. Леонтьева, оказывается единственным выходом из «тупика постмодернистского сознания», утвердившего относительность всех ценностей и смыслов, следствием чего выступает нарушение регуляции психической и социальной жизни.

Экзистенциальное мировоззрение связывается с утверждением субъекта через внутренние субъективные критерии и основания деятельности, через принятие ответственности за собственное поведение. Г.Л. Тульчинский в новом парадигмальном сдвиге в гуманитарной культуре видит принципиальный учет роли и значения личности как главного источника порождения новых смыслов (на фоне деконструкции смысла как такового). «При этом такой сдвиг должен не отрицать, а обобщать опыт постмодерна; давать осмысление нового цивилизационного опыта, его оснований и перспектив...» [Тульчинский, 2010: 33]. Значение постмодернизма усматривается в создании предпосылок новой постановки проблемы свободы и ответственности, нового взгляда на личность, новой «персонологии».

Переоценка постмодерна осуществляется сегодня в разных областях социально-гуманитарного знания. Постмодерн трактуется как расширение рамок научного исследования реальности, а также внимание к смене характеристик личностной и социальной жизни, ее динамики, которую нельзя полностью описать посредством прежних подходов. По словам П. Штомпки, крупным трендом второй половины XX в. была постмодерная критика прежней социологии, «особенно “постмодернизм” более здорового и реалистичного плана, который, отнюдь не отбрасывая возможность социальной науки, дает пронизательные наблюдения по поводу современной стадии социальных перемен, которую называют поздним модерном, высоким модерном, рефлексивным или текучим (fluid) модерном» [Штомпка, 2009: 7]. Авторы, представляющие «здоровый» постмодерн, указывают на пренебрежение социологией такими существенными чертами общества, как фрагментация, случайность, хаос, стечение обстоятельств, риск, эфемерные, спонтанные или нервные проявления, телесные, эмоциональные и саморефлексивные характеристики, глобализация и т. п. [Baudrillard, 1994; Bauman, 1978; Bauman, 1991; Beck, 1992; Giddens, 1990].

Некоторые из этих черт, разумеется, применяются к исследованию не только социальных, но и личностных феноменов. Так, представители калифорнийской школы экзистенциальной социологии в качестве одной из центральных проблем исследуют формирование

«экзистенциального Я в обществе», выводящее на «проблему активного человека», который способен изменять себя и свое социальное окружение. Концепция экзистенциального Я обращена к уникальному опыту человека, находящегося в контексте современных ему социальных условий, — опыту, наиболее явственно отражающемуся в непрерывном ощущении становления и активного участия в социальном изменении [Postmodern, 2002: 7].

Социология переживает парадигмальный сдвиг в теории и методологии — становление третьей социологии, социологии социальной экзистенции, после второй социологии поведения и действия, первой социологии организмов и систем. Здесь социология и психология пересекаются. Методологические изменения в науке включают переход от биологического детерминизма и поведенческого механицизма к признанию стремления личности к самореализации, ее способности к самопониманию и саморазвитию. Этот переход осуществили (или осуществляют) «третьи школы», которые взяли в качестве ориентира герменевтические, феноменологические процедуры в их связи с экзистенциальным мировоззрением. Общей методологической основой экзистенциальной психологии и социологии являются феноменология Э. Гуссерля, а впоследствии М. Хайдеггера и М. Мерло-Понти, герменевтика, экзистенциальная философия. Если позитивистская социология и экспериментальная психология сводили социально-культурные процессы к физическим и биологическим закономерностям, то здесь на первый план выступает экзистенциальный смысл жизни человека и происходящих с ним событий.

Под влиянием В. Дильтея была акцентирована роль внутреннего опыта переживания, непосредственного наблюдения человека над самим собой и над другими людьми и отношениями между ними как материала наук о духе. Начальным и конечным пунктом наук о духе является, по мнению Дильтея, конкретный исторический, живой опыт. Представление о жизни как о живом опыте становится сердцевиной всей его философии. Переживание выступало в качестве основы структурной связности душевной жизни, неотделимой от ее воплощения в духовном, надындивидуальном продукте. «Структурная связь переживается. Потому что мы переживаем эти переходы, эти воздействия, потому что мы внутренне воспринимаем эту структурную связь, охватывающую все страсти, страдания и судьбы жизни человеческой, — потому мы и понимаем жизнь человеческую, историю, все глубины и все пучины человеческого» [Дильтей, 1996: 54].

На новое отношение к человеку явно повлияла и философия жизни с ее актуализмом, критикой рационализма и монополии естественных наук, а также основоположники прагматизма, прежде всего в лице У. Джеймса. «Прагматический метод» Джеймса — сопряжение понятий и верований с их работоспособностью (или их «наличной стои-

мостью») в опыте индивида. Сам опыт не сводится в прагматизме к чувственному восприятию, понимается скорее как «все, что переживается в опыте» (Дж. Дьюи), т. е. как любое содержание сознания, как «поток сознания» (У. Джеймс).

Согласно Дьюи, И. Кант формализовал опыт, в результате чего была потеряна его «живая ткань» и упущено его видение не только в познавательном аспекте, но и как части более широкого некогнитивного взаимодействия человека со средой. У Дьюи «опыт относится к тому, что испытывается, — к миру событий и личностей; он же обозначает схваченность мира в опыте, историю и судьбу человечества» [Dewey, 1926: 28]. Это пример расширения понятия «опыт», которое вбирает в себя комплекс состояний и чувствований, отражает их непосредственность, но в то же время затрудняет понимание опыта, приводит к констатации его непознаваемости, потаенности. Такие смысловые оттенки понятия «опыт» были выражены в феноменологической и экзистенциальной философии и психологии личности, где оно часто означает любое переживание, пережитое событие.

Общим признаком перечисленных философских подходов является преодоление субъект-объектного расщепления. Человек представляется даже не как субъект, который воспринимает внешнюю реальность. Речь идет о его участии в конструировании бытия. При этом имеется в виду не отказ от рационально-объективного знания, но скорее углубление общефилософского дискурса за счет обращения к чувствам, переживаниям человека в современном мире как способам постижения действительности.

В области научного познания все более осознается роль глубинного знания, которое рождается в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности. Знание в его социальном измерении рассматривается как то, что функционирует в качестве ориентации в мире (убеждение — belief), идеального плана деятельности и общения. При этом менталистское понимание знания заменяется исследованием процесса институционализации убеждения в том или ином сообществе, культуре или контексте. Взгляд на знание как эпифеномен совокупного человеческого бытия, а на креативность как выражение культурной миграции предлагается как более адекватный способ понимания генезиса познавательных установок и когнитивных структур [Касавин, 2006].

На основании рассмотренных изменений в социально-гуманитарных науках можно констатировать, что современному этапу их развития свойствен экзистенциальный сдвиг, который обусловлен общим процессом гуманизации знания, стремлением уяснить важнейшие составляющие человеческого бытия, а также определенными внутринаучными дискуссиями и новациями.

В сравнении с естествознанием классические этапы в развитии социально-гуманитарных наук, связанные с позитивистской методологией, оказываются весьма короткими. Практически с самого начала эти науки возникают как неклассические (под влиянием В. Дильтея, М. Вебера), в их русле формируются гуманистические подходы, связанные с феноменами человечности, субъективности, экзистенции. Некоторые парадигмальные сдвиги, проявившиеся в психологии и психотерапии, социологии и других науках, связаны с их самоопределением по отношению к феномену «экзистенциального», пересмотром предметной области и методов исследования.

Социальность и переживание

Исследование повседневной жизни в социологии связано с обращением к экзистенциальному ракурсу социального взаимодействия, социальных связей и отношений. Особенно это касается экзистенциальной социологии, возникновение которой относится к 1960–1970 гг. Начало ее концептуализации положено такими авторами, как Э. Тириакия, Дж. Дуглас, А. Фонтана, Дж. Котарба, Дж. Джонсон, П. Мэннинг, Дж. Хейм и др.

Экзистенциальная социология, нередко называемая последней версией социологии повседневной жизни, возникла как неприятие большинства ортодоксальных научных версий социологии, утверждая в качестве истока как экзистенциальную философию, так и феноменологию. Ее представители пытались интегрировать концепты самости (self) и ситуации, разработанные в символическом интеракционизме, феноменологическую социологию социального конструирования реальности, этнометодологическую критику позитивистской социологической теории и методов с признанием центрального места воплощения и чувства для человека как социального субъекта.

По мнению Э. Тириакия, американского социолога, ученика П. Сорокина и Т. Парсонса, в классической социологии слишком много внимания уделяется «поверхностным», институциональным социальным феноменам вместо того, чтобы обратиться к предшествующей им сфере социального существования. Эта глубинная экзистенциальная сфера и мыслится им как предмет социологии, которая должна изучать проявления экзистенциального измерения человеческого бытия в социетальной экзистенции [Tiryakian, 1962: 163]. В связи с этим он пишет: «Если брать общество как экзистенциальную реальность (а не как грубую сущность или чистую абстракцию), то крайне важно понять, как экзистенциальная структура человеческого бытия проявляется в социетальном существовании» [Там же: 164]. Возводя экзистенцию на социетальный уровень, Тириакия акценти-

рует внимание на изучении общества не как простой совокупности не связанных между собой либо связанных механически индивидуальных экзистенций, но в качестве целостной, *социальной экзистенции*, порождаемой взаимодействием индивидов и их «солидарностью» (Э. Дюркгейм).

Сторонникам направлений неклассической социологии свойственно представление о социальной реальности как зависимой от человеческого сознания и опыта. Как отметила Е.И. Кравченко, она рассматривается как пребывающая в постоянной незавершенности и творении, достраиваемая в общении и действии не только в зависимости от предшествующих событий, но и по направлению к тому, что еще не явлено, а существует как идея, намерение [Кравченко, 2001]. Социальная экзистенция в том смысле, в котором это понятие употребляет П. Штомпка, призванная отражать случайность социального становления, — современное продолжение этих тенденций в методологии. «Социальная экзистенция всегда динамична... Как и жизнь, в буквальном смысле социальная экзистенция никогда не стоит на месте... Но она динамична не только в смысле постоянного непрекращающегося действия или функционирования... но также в смысле приведения в движение продуктивных, долгосрочных “перемен чего-то”: социальные процессы, трансформация» [Штомпка, 2009: 6]. Трактующее таким образом понятие социальной экзистенции отражает влияние феноменологической и экзистенциальной философии в представлении социальности как становления, процесса. Возникает апелляция к случайной динамике социальной жизни, к потоку сознания, потоку социального взаимодействия, времени, в котором оно разворачивается.

Внимание к повседневной жизни связано с признанием того, что ситуативность и проблематичность бытия прежде всего выражены в повседневном бытии человека. Понимание роли повседневной жизни существенно меняется, не сводится к некоторой фоновой рутине, чему способствует экзистенциальная проблематика в социальных науках. Именно в эпизодах повседневной жизни как «исследовательской лаборатории» (П. Штомпка) ищутся воплощение и реализация социальных абстракций.

Идеи Тириакияна и Штомпки — примеры концептуализации и исследования макроуровня экзистенциальной социологии, в котором даже через такие на первый взгляд абстрактные понятия, как «социальная экзистенция», «социетальный уровень экзистенции», проявляется ключевая роль глубинных личностных оснований социального существования.

Микроуровень экзистенциальной социологии связан с проведением конкретных эмпирических исследований и интерпретацией различных форм социальной экзистенции. Экзистенциальная социоло-

гия определяется в некоторых работах как изучение человеческого опыта в мире (или существования) во всех его формах [Existential, 1977]. Ключевой особенностью *experience-in-the-(contemporary)-world* выступает изменение как постоянная черта жизни людей, их восприятия себя, их опыта социальности.

Экзистенциальную социологию отличает от других теорий повседневной жизни рассмотрение человеческого существования не только как рационального или символического, не только мотивированного желанием кооперации путем действия субъектов. Вместо этого предлагается увидеть сильнейшее влияние эмоциональности и иррациональности, их часто определяющего действия над базисом привычных чувств и настроений [Adler, 1987: 217–235].

Акцент делается на независимости и доминировании человеческих чувств над оценочными и когнитивными составляющими социальных действий [Existential, 1977]. Так, в отличие от драматургической модели социальной жизни И. Гофмана экзистенциальная социология не акцентирована на следовании сценариям в повседневной жизни. Дж. Дуглас, Дж. Джонсон считают особенностью экзистенциальной социологии постижение и объяснение таких вопросов, как сущность человека, природа человеческой жизни, природа человеческого опыта в работе с конкретными явлениями повседневной жизни. Экзистенциальная социология претендует на изучение людей в их естественных условиях, во всей сложности жизни, в соединении телесности, чувственности и рациональности (например, исследование опыта хронической боли Дж. Котарба) [Kotarba, 1977].

Бытие человека в обществе исследуется на примере самых разных проблем и особенностей становления идентичности, представая множеством граней повседневной культуры. Дж. Котарба и А. Фонтана в своих эссе, посвященных медиаидентичности, случаям женщин, подвергшихся побоям, гомосексуальности, опыту выхода из роли и др., показывают особенности экзистенциальной социологии. Последняя, по их мнению, исследует пути, в рамках которых формируется, проявляется, «испытывается» человеческая индивидуальность в быстроменяющемся социальном мире [Kotarba, 1987]. В своей более поздней работе (написанной также как коллекция эссе) Котарба и Джонсон описывают экзистенциальную социологию как «драматический и приключенческий» способ понимания повседневной жизни, акцентирование важности индивидов, их эмоций и сконструированного ими взаимодействия с социальными структурами в рамках определенных культурных контекстов [Kotarba, 2002]. Авторы описывают случаи, вызывающие общественный резонанс, ситуации, находящиеся по ту сторону социального порядка, предлагающие необычные грани социальной реальности. Кроме того, в исследовании непосредственного опыта нередко ставится задача передачи переживания.

В частности, на характерном для экзистенциального подхода эмоциональном уровне Фонтана передает в работе «Последний предел» тему старости, мироощущения пожилого человека, стоящего на пороге смерти. Он пытается воссоздать и передать его экзистенциальные состояния, особенности социальных связей и их восприятия [Fontana, 1977]. Эта работа — своего рода пример, который подает экзистенциальная социология, показывая, что некоторые проблемы требуют изучения и передачи опыта на эмоциональном уровне его становления и переживания.

Возникает иное содержательное наполнение социологических исследований, касающихся бытия человека в обществе, по аналогии с проблемами бытия человека в мире как предмета экзистенциальной философии. Это проблемы свободы и ответственности, сопричастности миру и обществу через ориентацию на других, неизбежности осмысления своей жизни, своих поступков и тех событий, с которыми сталкивается личность.

В современной социологии проблема смысла и бессмысленности существования находится в тесной взаимосвязи с изучением качества и условий социальной жизни, пути ее разрешения усматриваются в конкретных особенностях социализации личности в определенной среде. Различные аспекты проблемы смысла жизни становятся составляющими эмпирических социологических исследований, в частности изучение смысложизненных позиций личности, их влияния на социальное поведение и окружение индивида, на поддержание тех или иных способов социального взаимодействия; «измерение» социального самочувствия населения, его удовлетворенности жизнью; описание социальных проявлений утраты смысла жизни и, напротив, ощущения подлинности, аутентичности существования. Исследования когнитивной части социального капитала, предпринятые Л.А. Беляевой, являются примером интерпретации важности культурно-смысловых оснований социальности [Беляева, 2014: 108–115].

Составляющей экзистенциальной социологии является интерес к феноменам одиночества и, напротив, к переживанию личностной включенности в жизнь общества, культуры, в социальные группы, социальные связи и отношения. В ее рамках исследуются влияние одиночества и дефицита экзистенциальной коммуникации на социальные действия и связи индивида, а также особенности общества, порождающего ощущение одиночества. В контексте возникновения и все большего проявления нового типа социального взаимодействия в информационном обществе проблема экзистенциального Я, экзистенциальной коммуникации, одиночества становится особенно актуальной и исследуется в разных науках и направлениях философии. Так, Л.В. Баева указывает на современные экзистенциальные вызовы электронной культуры, такие, как абсурдность отношений «вирту-

альный Я и виртуальный Другой», утрата границы реальности, виртуальная объективация, свобода виртуального выбора, затрудняющая нравственное становление, одиночество в сети, зависимость от виртуального взаимодействия [Баева, 2013].

Таким образом, проблемы, поставленные в экзистенциальной философии и социологии, находят различные варианты воплощения и изучения в современной научной и социальной реальности, дополняя современное видение общества и воспроизводства социальных связей на новом уровне социокультурного развития.

Междисциплинарность и регионализация экзистенции

В результате произошедших в науке изменений проблема экзистенциального все отчетливее выходит на статус междисциплинарной, а ее изучение способствует формированию целостного видения природы человека, стремлению философии и науки к синтетическому знанию о бытии и человеке. Междисциплинарное обобщение исследований экзистенциального опыта в рамках социально-гуманитарных наук позволяет дополнить понятие социального субъекта и тем самым расширить категориальные рамки социальной онтологии, научно-философской картины социальной реальности. Особого внимания заслуживают неравномерность освоения экзистенциальной проблематики и сопутствующие этому сложные отношения между наукой и философией.

Достаточно давно эмпирически зафиксированы спад интереса к развитию экзистенциальной философии на Западе, начавшийся во второй половине XX в., ее вытеснение структурализмом, постструктурализмом, неофрейдизмом и другими научными и философскими течениями [Kohn, 1984]. В числе социокультурных предпосылок такого спада главное место занимает реальность потребительского общества, предлагающего значительно более простое решение экзистенциальных проблем. Оно избегает трудностей духовно-личностного развития путем внедрения практики компенсаторного шопинга, демонстративного потребления, культа еды, здоровья, прочих удовольствий, включая экзотические (экстремальные виды спорта).

Характерно, что спад интереса к экзистенциальной проблематике в западной философии сопровождается ее перемещением в сферу ряда специализированных социально-гуманитарных наук, т.е. происходят своего рода операционализация и «натурализация экзистенции»². Так, воскрешается позитивистская методология, требовавшая решения философских проблем научными средствами. Как пишет Г.Л. Тульчинский, «мы становимся свидетелями следующей стадии

вымывания философии в сферу конкретных практик: сначала наука, потом логика, теперь настала пора метафизической свободы» [Тулчинский, 2010: 50].

Проблемы, поставленные в рамках экзистенциализма, отошли к таким наукам, как психология, социология, социальная антропология и др. Это отчасти говорит о его теоретической (понимание природы социального и индивидуального субъекта) и практической (помощь личности) актуальности. Вместе с тем прикладное использование идей экзистенциальной философии нередко приводит к явному упрощению ее содержания и проблематики, ее собственно теоретическому забвению. В западноевропейской и американской философии на протяжении уже более полувека идеи экзистенциальной философии, сформулированные М. Хайдеггером, Ж.П. Сартром, К. Ясперсом и др., в концептуальном смысле развиваются слабо. Одновременно налицо их использование в прикладных целях, что оправдывает это философское направление в практическом смысле, однако теоретически не продвигает его вперед. Имеет место дефицит философско-теоретических ресурсов проблематики, которая была открыта экзистенциальной философией.

Примечательно, что в странах, условно относимых к «философской периферии», возникают особенные, национально окрашенные формы освоения экзистенциальной проблематики. Так, анализ материалов последнего философского конгресса (Афины, 2013) показывает что из всех докладчиков по тем или иным аспектам экзистенциальной философии лишь немногие представляли страны, где она первоначально зародилась и развивалась (Франция, Германия, Италия). Наряду с этим очевидна и активность представителей Аргентины, Малайзии, Чили, Мексики, Южной Африки, которые посвящают выступления осмыслению собственных культурных проблем и традиций («черный» экзистенциализм, экзистенциальные аспекты джайнизма, экзистенциализм и философия освобождения и др.)³. Три «круглых стола» по экзистенциальной тематике были проведены с участием Карибской философской ассоциации.

Этот феномен демонстрирует, как в процессе глобализации различные страны осваивают западные философские направления, концептуализируют на европейских языках во многом уникальные куль-

² Здесь мы используем термин «натурализация» почти так, как он трактуется в натурализованной эпистемологии У. Куайна и его последователей. Это редукция идей экзистенциальной философии к понятиям и методам социально-гуманитарных наук и одновременно сдвиг экзистенциальной проблематики из философии в социально-гуманитарные знание и практику.

³ Tal Correm (Israel), Ibrahim Mohd Radhi (Malaysia), Agostina Marchi (Argentina), Krishna Bhattacharya (India), Lewis Cordon (USA/Jamaica), Alexander Stephon (USA/Trinidad), Hadi Kenaan (Israel), Rozena Maart (South Africa), Julia Suarez (Denmark/Colombia), Hien Luong (Vietnam), Samuel Asuquo Ekanem (Nigeria) и др. // Abstracts of 23 World Congress of Philosophy, 2013.

турные феномены и личностные проблемы. В противовес западному обществу потребления (которое вместе с тем предлагает человеку возможности преодоления экзистенциального вакуума с помощью психотерапии) культуры этих стран и сообществ направлены на активное использование потенциала своих духовных традиций для преодоления экзистенциальных проблем. Аналитическая философская традиция, столь популярная в Америке и Европе, здесь практикуется в гораздо меньшей степени. Кроме того, социально-гуманитарные науки в странах «философской периферии» не достигли еще той стадии проникновения в социальную практику, которая наблюдается в Европе. В частности, восточная философия является в большей степени созерцательной литературной традицией и именно она наряду с религией и национальными традициями взяла на себя сегодня решение проблем экзистенции, лишь в некоторых случаях обращаясь к достижениям западной экзистенциальной философии.

Данные обстоятельства порождают как позитивные, так и негативные следствия. Первые связаны с тем, что философские идеи выступают как протонаучная картина мира и тем самым вносят вклад в решение конкретных научно-практических задач на фоне явной недостаточности теоретических объяснений и гипотез, способных сконструировать образ человеческой субъективности.

Негативные следствия заключаются в том, что натурализация экзистенции создает иллюзию решения ряда фундаментальных философских проблем. Тем самым блокируется их дальнейшая разработка и консервируется современное состояние, которое в философии сознания именуется «разрыв в объяснении», а кризис экзистенциальной философии в развитых странах Запада приобретает черты перманентности.

Заключение

Как работает экзистенциальная парадигма сегодня, после смерти субъекта, констатируемой философией постмодерна, а также на фоне кризиса классической научной методологии? Каковы теоретические и практические следствия развития экзистенциальной философии за пределами лидирующих философских стран? Каковы формы применения экзистенциальной онтологии и этики в плане развития социально-гуманитарных наук, т.е. какие прикладные следствия они могут дать? Как должна развиваться работа с личностью? Нужно ли ориентироваться на манипулятивную эффективность, создающую грамотного потребителя и политически нейтрального обывателя? Или ставить трудную задачу стимулирования духовного роста? Или, сле-

дую постгуманизму, решать экзистенциальные проблемы имплантацией соответствующих чипов?

Обоснованные ответы на эти вопросы будут во многом определять соотношение аналитической и феноменологической традиций в философии, образ научной рациональности в философии науки, а также конкурентное развитие гуманистических направлений в социологии, психологии и лингвистике. Гуманизация науки и натурализация экзистенции — два взаимосвязанных процесса, определяющих категориальную перспективу субъекта познания и переживания в неклассической эпистемологии и социальной философии науки. Каким будет путь его осмысления — дальнейшая мистеризация, объективизация или социализация? Возможна ли разработка «позитивного проекта экзистенции», намеченного К. Ясперсом, Г. Марселем, Н. Аббаньяно? И здесь же проблема адекватности наличных социогуманитарных технологий «работы с экзистенцией», от которых во многом зависит перспектива человека вообще.

Библиографический список

- Баева, 2013 — *Баева Л.В.* Экзистенциальные риски информационной эпохи // Информационное общество. 2013. № 3.
- Беляева, 2014 — *Беляева Л.А.* Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31).
- Владимирова, 2012 — *Владимирова Т.Е.* Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. № 4(6).
- Дильтей, 1996 — *Дильтей В.* Описательная психология. СПб., 1996.
- Дорман, 2013 — *Дорман О.* Нота. Жизнь Рудольфа Баршая, рассказанная им в фильме Олега Дормана. М., 2013.
- Касавин, 2006 — *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2006. № 1.
- Колико, 2002 — *Колико Н.И.* Хельмут Лахенманн: эстетическая технология : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2002.
- Кравченко, 2001 — *Кравченко Е.И.* Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам // Социологический журнал. 2001. № 3.
- Куликова, 2009 — *Куликова И.В.* Опыт сравнительного анализа экзистенциальной и аналитической парадигм философии языка : автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филос. наук. Иваново, 2009.
- Куликова, 2007 — *Куликова И.В.* Формирование нового образа языка в рамках экзистенциальной философии // Вестн. Иванов. гос. энергет. ун-та. Иваново, 2007. Вып. 1.
- Курдюмов, 1999 — *Курдюмов В.А.* Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М., 1999.
- Курдюмов, 1999 — *Курдюмов В.А.* Предикация и природа коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. Гл. IV.
- Леонтьев, 2007 — *Леонтьев Д.А.* Восхождение к экзистенциальному миропониманию // 3-я Всерос. научно-практ. конф. по экзистенциальной психологии: материалы сообщений ; под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2007.

Леонтьев, 2001 — *Леонтьев Д.А.* О предмете экзистенциальной психологии // 1 Всерос. научно-практ. конф. по экзистенциальной психологии ; под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. М., 2001.

Ольхов, 2011 — *Ольхов П.А.* Об экзистенциальном статусе исторического знания // Филос. науки. 2011. № 8.

Ольхов, 2012 — *Ольхов П.А.* Эпистемология исторического знания (историко-философский анализ) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2012.

Степин, 2003 — *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8.

Степин, 2009 — *Степин В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295.

Тулчинский, 2010 — *Тулчинский Г.Л.* Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 1.

Штомпка, 2009 — *Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.

Adler, 1987 — *Adler P.A., Adler P., Fontana A.* Everyday Life Sociology // Ann. Rev. Sociol. 1987. № 13.

Baudrillard, 1978 — *Baudrillard J.* Simulacra and Simulations. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.

Bauman, 1978 — *Bauman Z.* Hermeneutics and Social Sciences. L., 1978.

Bauman, 1991 — *Bauman Z.* Modernity and Ambivalence. Cambridge, 1991.

Beck, 1992 — *Beck U.* Risk Society. L., 1992.

Dewey, 1926 — *Dewey J.* Experience and Nature. Chicago, 1926.

Existential, 1977 — Existential Sociology ; ed. by J. Douglas, J. Johnson. N.Y., 1977.

Fontana, 1977 — *Fontana A.* The Last Frontier. Beverly Hills, 1977.

Giddens, 1990 — *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.

Kaçerauskas, 2007 — *Kaçerauskas T.* Existential Language and Linguistic Existence // Coactivity: Philosophy, Communication. 2007. Vol. 15, № 3.

Kohn, 1984 — *Kohn A.* Existentialism Here and Now // The Georgia Review. 1984, Summer.

Kotarba, 1987 — *Kotarba J.A., Fontana A.* The Existential Self in Society. University of Chicago Press, 1987.

Kotarba, 2002 — *Kotarba J.A., Johnson J.M.* Postmodern Existential Sociology. Rowman Altamira, 2002.

Kotarba, 1977 — *Kotarba J.A.* The Chronic Pain Experience // Existential Sociology ; ed. by J. D. Douglas, J. M. Johnson. 1977.

Lachenmann, 1996 — *Lachenmann H.* Musik als existentielle Erfahrung: Schriften 1966–1995. Wiesbaden, 1996.

Postmodern, 2002 — Postmodern Existential Sociology ; ed. by J. Kotarba, J. Johnson. Walnut Creek (CA), 2002.

Tiryakian, 1962 — *Tiryakian E.* Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society. Englewood Cliffs (NJ), 1962.

References

Baeva, 2013 — *Baeva L.V.* Ekzistentsialnye riski informatsionnoy epokhi // Informatsionnoe obshchestvo. 2013. No. 3.

- Belyaeva, 2014 — *Belyaeva L.A.* Regionalnyy sotsialnyy kapital i mnozhestvennaya modernizatsiya v Rossii. K postanovke problemy. Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2014. No. 1 (31).
- Vladimirova, 2012 — *Vladimirova T.E.* Metalingvisticheskaya paradigma izucheniya yazykovoy lichnosti. Metafizika, 2012. No. 4(6).
- Diltey, 1996 — *Diltey V.* Opisatel'naya psikhologiya (W. Dilthey). St. Petersburg, 1996.
- Dorman, 2013 — *Dorman O.* Nota. Zhizn Rudolfa Barshaya, rasskazannaya im v filme Olega Dormana. Moscow, 2013.
- Kasavin, 2006 — *Kasavin I.T.* Sotsialnaya epistemologiya: ponyatie i problema. Epistemologiya i filosofiya nauki, 2006. No. 1.
- Koliko, 2002 — *Koliko N.I.* Khelmut Lakhenmann: esteticheskaya tekhnologiya: Avtoref. dis... kandidata iskusstvovedeniya. Moscow, 2002.
- Kravchenko, 2011 — *Kravchenko E.I.* Teoriya sotsialnogo deystviya: ot Maksa Vebera k fenomenologam. Sotsiologicheskii zhurnal. 2001. No. 3.
- Kulikova, 2009 — *Kulikova I.V.* Opyt sravnitel'nogo analiza ekzistentsialnoy i analiticheskoy paradigmat filosofii yazyka. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk. Ivanovo, 2009.
- Kulikova, 2007 — *Kulikova I.V.* Formirovanie novogo obraza yazyka v ramkakh ekzistentsialnoy filosofii. Vestn. Ivanov. gos. energet. un-ta. Vyp. 1. Ivanovo, 2007.
- Kurdyumov, 1999 — *Kurdyumov V.A.* Ideya i forma. Osnovy predikatsionnoy kontseptsii yazyka. Moscow, 1999.
- Kurdyumov, 1999 — *Kurdyumov V.A.* Predikatsiya i priroda kommunikatsii: dis... d-ra filol. nauk. Moscow, 1999. Gl. IV.
- Leontev, 2007 — *Leontev D.A.* Voskhozhdenie k ekzistentsialnomu miroponimaniyu. 3-ya Vseros. nauchno-prakt. konf. po ekzistentsialnoy psikhologii: materialy soobshcheniy. Pod red. D.A. Leonteva. Moscow, 2007.
- Leontev, 2001 — *Leontev D.A.* O predmete ekzistentsialnoy psikhologii. I Vseros. nauchno-prakt. konf. po ekzistentsialnoy psikhologii. Pod red. D.A. Leonteva, E.S. Mazur, A.I. Soslanda. Moscow, 2001.
- Olkhov, 2011 — *Olkhov P.A.* Ob ekzistentsialnom statuse istoricheskogo znaniya. Filos. nauki. 2011. No. 8.
- Olkhov, 2012 — *Olkhov P.A.* Epistemologiya istoricheskogo znaniya (istoriko-filosofskiy analiz): avtoref. dis... d-ra filos. nauk. Moscow, 2012.
- Stepin, 2003 — *Stepin V.S.* Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya ratsionalnost. Voprosy filosofii. 2003. No 8.
- Stepin, 2009 — *Stepin V.S.* Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya. Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura. St. Petersburg, 2009. S. 249–295.
- Tulchinskiy, 2010 — *Tulchinskiy G.L.* Sdvig gumanitarnoy paradigmy, transtsendentalnyy subjekt i postchelovecheskaya personologiya. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2010. T. 5. Vyp. 1.
- Shtompka, 2009 — *Shtompka P. V.* Fokuse vnimaniya povsednevnyaya zhizn. Novyy povorot v sotsiologii (P. Sztompka). Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. No. 8.